

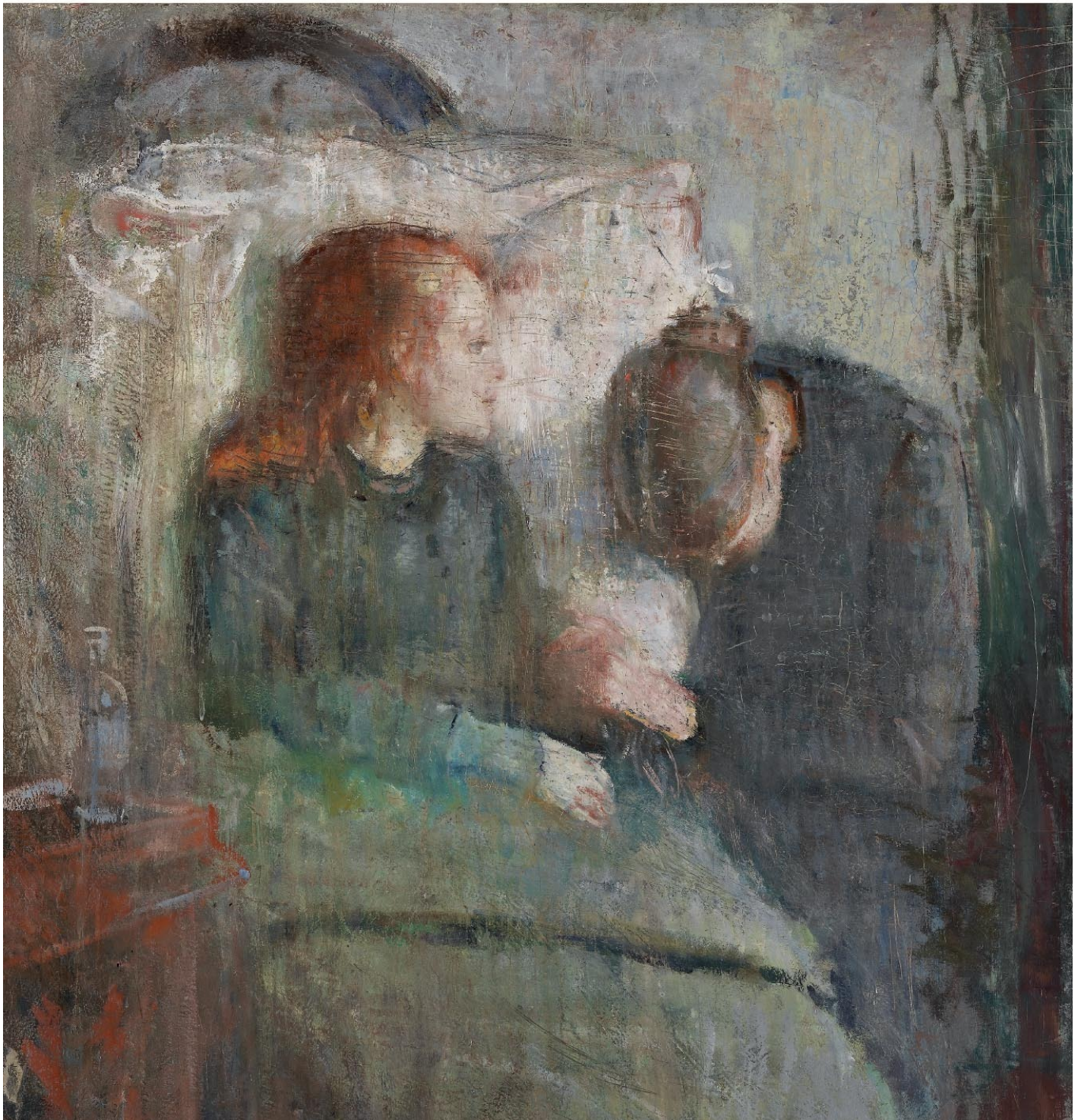
КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УЛЬРИКЕ МОЗЕР

ЧАХОТКА

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА

Культура повседневности

Ульрике Мозер

**Чахотка. Другая история
немецкого общества**

«НЛО»

2018

УДК [616.24-002.5]:[39(430)(091)]
ББК 63.3(4Гем)-7

Мозер У.

Чохотка. Другая история немецкого общества / У. Мозер —
«НЛО», 2018 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-481457-4

Туберкулез легких, или чахотка, – спутник человечества на протяжении всей его истории. До XX века чахотка означала смертный приговор, не щадила ни бедных, ни богатых, ни безвестных, ни знаменитых. Но отношение к этой болезни в обществе постоянно менялось. В книге Ульрике Мозер показаны трагические стадии этих перемен: чахотка из «возвышенной» болезни, поражающей гениев и ангелоподобных девушек, превращается в источник прибыли горных курортов, а затем – в злокозненную язву городских низов. В Третьем Рейхе нацистские постулаты о вырождении и расовой чистоте лишили туберкулезных больных всякой надежды: их массово убивали или подвергали жестоким медицинским экспериментам. Несмотря на открытие антибиотиков, туберкулез и сегодня остается одной из самых распространенных причин смерти – и об этом полезно помнить даже на фоне более «актуальных» эпидемий. Ульрике Мозер – немецкий историк, сотрудница изданий «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и «Die Woche».

УДК [616.24-002.5]:[39(430)(091)]

ББК 63.3(4Гем)-7

ISBN 978-5-44-481457-4

© Мозер У., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Введение	5
Часть I. <i>Mycobacterium Tuberculosis</i>	12
1. Великий медицинский перелом	12
2. Возбудитель	16
3. Бактерия с историей	18
Часть II. Романтическая лихорадка	21
1. Воплощенное страдание	21
2. Идеализированная болезнь	22
3. Новалис: болезнь как принцип художественного творчества	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ульрике Мозер

Чахотка. Другая история немецкого общества

Моим родителям Арнцльфу и Еве Мозер

Введение

У этой болезни много имен. Она известна как чахотка, туберкулез, фтизис, «белая чума», «бледная немочь»¹. На протяжении многих веков она тяготела над людьми, как проклятие, отнимала силы, принуждала вести с ней бесконечную борьбу, искать способы существовать под ее ярмом – и пытаться постичь ее смысл. Это болезнь со множеством толкований, представлений и метафор. Пораженных этим недугом временами почти обожествляли, позже стали презирать, а в конце концов – даже преследовать.

Вплоть до 50-х годов XX века чахотка была неизлечима, такой диагноз звучал почти как смертный приговор, и только после Второй мировой войны, с открытием лекарства, болезнь стала понемногу отступать и перестала наводить повсеместный ужас.

Зачем же писать о чахотке, болезни, которую, хотя и не удалось окончательно искоренить, принято воспринимать как недуг ушедших эпох? К чему вообще размышлять о болезни?

Болезнь не хочет никто. А между тем болезнь – основополагающий опыт жизни. Человек – существо телесное, уязвимое, несовершенное, «рожденное, чтобы в итоге умереть», как писал в позднем Средневековье врач, мистик и философ Парацельс².

Здоровье – это состояние, на которое мы не обращаем внимания и воспринимаем как норму. Гейдельбергский философ Ганс-Георг Гадамер описывал здоровье как «таинственное Нечто, всем нам известное и одновременное неведомое, потому что ведь это такое чудо – быть здоровым»³.

Мы воспринимаем здоровье и болезнь как противоположности, полярные явления. Болезнь, как обозначает ее Сьюзен Зонтаг, «есть сумеречная сторона жизни»⁴. Это поломка, сбой, авария, нечто нерациональное и требующее исправления. Болезнь оскорбляет человека, ибо он оказывается униженным, отброшенным до самой примитивной невыносимой телесности. Болезнь воспринимается как недостаток, «экзистенциальный дефицит»⁵ – и никогда как норма.

---

¹ *Туберкулез, чахотка и измождение* используются в этом тексте для обозначения легочной формы туберкулеза. Название *туберкулез* придумал медик Иоганн Лукас Шёнляйн (Johann Lukas Schönlein). Он назвал похожие на узелки патологические изменения в легких *туберкулами* (уменьшительная форма от лат. *tuber* – шишка, клубень, опухоль, вспухание, вздутие) и в 1834 году образовал таким образом слово *туберкулез*. Причину болезни ему тогда установить не удалось. В современной профессиональной литературе и в литературных текстах конца XIX века все названия болезни используются одинаково. Когда в 1882 году Роберт Кох обнаружил возбудителя болезни, новый термин *туберкулез* постепенно стал заменять старый *чахотка*. Такие традиционные обозначения, как *фтизис, чахотка и истощение*, использовались еще некоторое время и дальше. Сам Роберт Кох время от времени употреблял слово *чахотка*. Термин *фтизис* употреблялся наряду с *туберкулезом* до 1938 года. См. об этом: Dietrich-Daum E. Die «Wiener Krankheit». Eine Sozialgeschichte der Tuberkulose in Österreich. Wien; München, 2007. S. 31, 39.

² Цит. по: Schipperges H. Krankheit und Kranksein im Spiegel der Geschichte. Berlin; Heidelberg, 1999. S. 166.

³ Цит. по: Ibid. S. 22.

⁴ Sontag S. Krankheit als Metapher. Frankfurt/M., 2012. S. 9.

⁵ Цит. по: Schipperges H. Krankheit und Kranksein im Spiegel der Geschichte. S. 7.

Болезнь означает беспомощность и нужду. Она вынуждает к бездействию и обездвиживает, разрушает наше самосознание и зачастую наше существование. Болезнь делает больного зависимым от помощи окружающих, заставляет его чувствовать себя обузой для других.

Пропасть между больным и здоровыми растет и в какой-то момент становится непреодолимой. Мир больного сжимается, скукоживается, вращается теперь только вокруг сиюминутной повседневности, зависит от улучшения или ухудшения его состояния. В глазах близких страждущий – уже какой-то другой, чужой. «Больной покинут здоровым, но и здоровый больным – тоже», – писал больной чухоткой Франц Кафка 6 августа 1920 года Милене Есенской^{6,7}. Ганс Касторп, наивный герой «чухоточного» романа Томаса Манна «Волшебная гора», сам себя называет «потерянным для мира»⁸.

Другими словами, болезнь означает отклонение от нормы. Но одновременно она дает право на это отклонение и узаконивает отказ от общепринятого, аутсайдерство и бегство от всего, что считается нормальным⁹. Болезнь создает привилегированное пространство свободы – может быть, единственное, признаваемое обществом. Она предоставляет возможность спасения от повседневных обязанностей и нужд, освобождает от ответственности в семье и профессии, от настойчивых требований общества быть активным, работоспособным и привлекательным. «То был способ удалиться от мира, не возлагая на себя ответственности за такое решение»¹⁰.

По крайней мере, на некоторое время. Потом от больного ожидают скорого выздоровления. Болезнь – это исключительное состояние, которое окружающие готовы терпеть лишь недолго.

Размышления о болезни – способ самопознания, а также проверка для общества. То, как в том или ином обществе обходятся с болезнью и больными, может многое рассказать о его устройстве, о времени, о мировоззрении и системе ценностей, о взглядах на человеческую личность. Болезнь – это не просто биологический процесс или драма конкретного человека, у болезни есть социальное, общественное и историческое значение.

Каждая эпоха отмечена своей болезнью. Австрийский писатель и критик Карл Краус изобрел в 1920 году для этого формулу: «У каждой эпохи та эпидемия, какую эта эпоха заслуживает. У всякого времени своя чума»¹¹.

Недугами Средневековья были проказа и чума, страшные эпидемии, символ человеческого бессилия. Самый опустошительный чумной мор начался около 1300 года. Из Азии через Ближний Восток по Северной Африке и Европе распространилась «черная смерть» – и стала испытанием похлеще проказы. Между 1346 и 1350 годами чума выкосила миллионы 20 человек, четверть тогдашнего европейского населения. Это было самое опустошительное бедствие в европейской истории¹². А ведь это была только первая волна. Зараза периодически возвращалась и оставила Европу в покое лишь после 1720 года.

---

⁶ Цит. по: Engelhardt D. von. Tuberkulose und Kultur um 1900. Arzt, Patient und Sanatorium in Thomas Manns «Zauberberg» aus medizinhistorischer Sicht // Auf dem Weg zum «Zauberberg». Die Davoser Literaturtage 1996. Frankfurt/M., 1997. S. 323–345, зд. S. 329. Перевод цит. по: Кафка Ф. Письма к Милене / Пер. с нем. А. Карельского, Н. Федоровой. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 68.

⁷ Здесь и далее письма Кафки цитируются в переводе А. Карельского и Н. Фёдоровой. – *Примеч. пер.*

⁸ Цит. по: Mann T. Der Zauberberg. In der Fassung der Großen kommentierten Frankfurter Ausgabe. Frankfurt/M., 2015. S. 899.

⁹ См об этом: Pohland V. Das Sanatorium als literarischer Ort. Medizinische Institution und Krankheit als Medien der Gesellschaftskritik und Existenzanalyse. Frankfurt/M., 1984. S. 26.

¹⁰ Susan Sontag, Krankheit als Metapher. S. 32. Здесь цит. по: Сонтаг С. Болезнь как метафора / Пер. с англ. М. Дадяна, А. Соколинской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 14.

¹¹ Цит. по: Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20. Jahrhundert. Landsberg/Lech, 1997. S. 141.

¹² См.: Porter R. Geschöpft und zur Ader gelassen. Eine kurze Kulturgeschichte der Medizin. Zürich, 2002. S. 27.

Болезнью позднего Ренессанса и начала Нового времени стал сифилис. В XVI веке он распространился по Европе и, подобно чохотке, носил много имен. Французы звали его «неаполитанской болезнью», прочие европейцы – «французской», поляки – «немецкой», русские – «польской»¹³. На протяжении 400 лет сифилис был эндемическим заболеванием Европы, влияя на повседневность и культуру¹⁴. Были закрыты общественные бани, традиционные для Средних веков, а парики, испанские воротники, перчатки и косметика должны были скрывать внешние признаки болезни¹⁵.

XIX и XX века стали эпохой чохотки. Она была недугом романтизма и «fin de siècle». В середине XIX века в Германии смертность от чохотки достигла пика: ежегодно из каждых 100 000 человек от нее умирали 270¹⁶. В Вене четверть всех умерших были жертвами чохотки¹⁷.

На рубеже XIX и XX столетий чохотка была самой распространенной болезнью и причиной смерти. Ежегодно умирали десятки тысяч, а сотни тысяч становились нетрудоспособными. Черной тенью нависала чохотка над целыми семьями, не давала людям ни планировать свою жизнь, ни реализоваться в профессии, ни завести семью. Прежде всего болезнь поражала молодых. Для людей того времени она была постоянной угрозой.

Болезнь никогда не существует просто так, сама по себе: представления о ней развиваются и меняются с течением времени. У каждой исторической эпохи и каждого общества свой медицинский язык, свои понятия о жизни, смерти и страдании. Болезни связаны с культурой, религиозно-духовной жизнью, идеологией и политикой. Болезни отражены в искусстве и литературе.

С точки зрения христианства, телесная немощь преследует человека после изгнания из рая. Болезнь – это стигма, наказание господне, выздоровление же означает прощение грехов. Человек старался искупить вину перед богом и заслужить прощение через покаяние, паломничество, крестный ход, поклонение святым.

Проказа с древних времен считалась господним наказанием за грехи¹⁸. Прокаженные считались «нечистыми», их изгоняли из общины верующих и изолировали в специальных заведениях, так называемых лепрозориях. Сифилис воспринимался как закономерное последствие сексуальной разнузданности. «Отравленная стрела Амура» или «смертоносный яд Венеры» поражал в первую очередь половые органы – средоточие и источник греха¹⁹. Вплоть до 1900-х годов сохранялось представление, что сифилис – это наказание за нарушение норм общественной морали, прелюбодеяние, за преступления против супружеской верности. Сифилис считался болезнью людей аморальных, безнравственных, болезнью унижительной и вульгарной²⁰.

В эпоху романтизма чохотку переосмыслили и истолковали по-иному, к ней стали относиться как к экзистенциальному опыту. Романтики вознесли на пьедестал именно чохотку как признак исключительности и возвышенности личности, судьбу гениев, художников, богемы²¹. Только чохотка могла быть болезнью просветленных и блаженных.

---

¹³ См.: Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. S. 59.

¹⁴ При эндемии (эндемия – постоянное наличие какого-либо заболевания в ограниченной географической местности) болезнь всегда латентно присутствует у населения и поражает отдельных людей, эпидемия же, напротив, развивается взрывообразно и поражает сразу большие группы населения.

¹⁵ Ср.: Leven K.-H. Geschichte der Medizin. Von der Antike bis zur Gegenwart. München, 2008. S. 43.

¹⁶ См.: Schader B. Schwindsucht – Zur Darstellung einer tödlichen Krankheit in der deutschen Literatur vom poetischen Realismus bis zur Moderne. Bern; Frankfurt/M., 1987. S. 2.

¹⁷ См.: Lenger F. Metropolen der Moderne. Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850. München, 2013. S. 56.

¹⁸ См.: Ruffie J., Sourmia J.-Ch. Die Seuchen in der Geschichte der Menschheit. München, 1992. S. 91.

¹⁹ Ibid. S. 186.

²⁰ Ср.: Schonlau A. Syphilis in der Literatur. Über Ästhetik, Moral, Genie und Medizin (1880–2000). Würzburg, 2005. S. 13.

²¹ См.: Hähner-Rombach S. Künstlerlos und Armenschicksal. Von den unterschiedlichen Wahrnehmungen der Tuberkulose // Das große Sterben. Seuchen machen Geschichte. Berlin, 1995. S. 278–297, зд. S. 278.

Чохотка не свирепствовала, как другие инфекции, вроде чумы и холеры, не выкашивала с апокалиптической яростью континенты, народы и страны, не изничтожала свои жертвы в считанные дни или часы. Напротив, чохотка протекала медленно, долго, и от момента заражения до первых симптомов могли пройти годы. Это болезнь хроническая, тягучая, зачастую скрытая. Она дает больному время подготовиться к неизбежному концу. Тяжелые приступы сменяются иногда недельными улучшениями с надеждой на исцеление. Исход, однако, предрешен.

Чохотка казалась недугом избирательным, «загадочной болезнью индивидуумов... смертоносной стрелой, которая способна поразить каждого и находит себе жертву одну за другой»²². Эта болезнь считалась знаком избранности, особенности, уникальности, своего рода ценой, которую приходилось платить гению за его уникальность и дарование²³.

Мишель Фуко в своем труде «Рождение клиники» писал: «Человек XIX века становится легочным, обретая в этой лихорадке, торопившей вещи и искажавшей их, свой невыразимый секрет. Вот почему грудные болезни принадлежали той же самой природе, что и болезни любви: они были страстью жизни, которой смерть предоставляет свой неизменный лик»^{24,25}. Эта болезнь, казалось, делает жизнь интенсивней, ускоряет ее: лихорадка окрыляет, рождает творческие мысли и силы, облагораживает душу и утончает интеллект. Конец чохоточного больного тих, спокоен, мягок, возвышен и даже прекрасен, в отличие от чудовищных обстоятельств смерти от прочих недугов.

От проказы губы и нос человека утолщались, отчего его лицо приобретало звериные черты²⁶. На следующих стадиях болезнь уродовала нос, уши, пальцы, отмирали конечности, плоть больного разъедали гнойные язвы. Проказа вызывала отвращение и ужас. Больного воспринимали как «нечистого», омерзительного и гадкого, он становился изгоем, чужим, едва похожим на человека.

Сифилис начинался с нескольких ранок и высыпаний в области половых органов²⁷. В дальнейшем, прогрессируя, болезнь вызывала отвратительные нарывы и язвы, разъедала кости, нос, губы, гениталии и уродовала человека. Тело больного наглядно являло последствия его предполагаемой сексуальной разнузданности, а в худшем случае – не только тело, но и лицо. Прогрессивный паралич – заключительная стадия сифилиса, приводящая к деменции и смерти.

Еще в XIX веке полагали, что больной сифилисом разлагается заживо: живя, он становится воплощением собственной смерти. В 1861 году братья Эдмон и Жюль Гонкуры в своих дневниках подробно описывали, как умирает от сифилиса их коллега, автор романа «Богема. Сцены из парижской жизни» Анри Мюрже: «Мюрже умирает от болезни, при которой плоть разлагается заживо, от старческой гангрены, осложненной карбункулами. Это ужасно, он буквально распадается на куски. На днях ему пытались подстричь бороду, так вместе с бородой у него отвалилась нижняя губа»²⁸.

Наибольшее осуждение вызывают те болезни, которые не просто убивают, но уродуют тело. «В основе моральных суждений о болезнях часто лежат эстетические воззрения о пре-

---

²² Sontag S. Krankheit als Metapher. S. 35.

²³ Landsteiner G., Neurath W. Krankheit als Auszeichnung eines geheimen Lebens. Krankheitskonstruktion und Sexualität anhand der Lungentuberkulose um 1900 // Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ÖZG). 5. Jahrgang, 1994. S. 358–387, зд. S. 382f.

²⁴ Foucault M. Die Geburt der Klinik. Eine Archäologie des ärztlichen Blicks. Frankfurt/M., 2011. S. 185.

²⁵ Перевод А. Тхостова. – *Примеч. пер.*

²⁶ См.: Ruffie J., Sourmia J.-Ch. Op. cit. S. 90.

²⁷ См.: Porter R. Die Kunst des Heilens. S. 167.

²⁸ Цит. по: Herzlich C., Pierret J. Kranke gestern, Kranke heute. Die Gesellschaft und das Leiden. München, 1991. S. 102.

красном и отвратительном, чистом и нечестивом, родном и чуждом или об ужасном», – пишет Сьюзен Зонтаг²⁹.

Чума, лепра (проказа) и сифилис с их ярко выраженными внешними признаками клеймили людей, как тавром. Чохотка же, напротив, не заметна для других. «Безболезненный, мимолетный недуг, чисто плотный, без запахов, едва уловимый», – заметил страдавший туберкулезом французский философ и писатель Ролан Барт³⁰.

Чохоточный больной не менялся внешне, оставаясь самим собой, чохотка только смягчала его черты, делала их тонкими, хрупкими и изящными: бледность, прозрачность, лихорадочный румянец, тени вокруг глаз, худоба – всё это, наоборот, делает больного более привлекательным³¹. Чохоточная красота казалась таинственно родственной смерти. Кроме того, если прочие недуги настигали человека как наказание за грехи, то чохотка воспринималась как незаслуженная беда, поражающая художника или писателя и выделяющая его из толпы³².

У болезни есть творческая сила, она способна породить произведения искусства и литературы. Это искусство дает место человеку в его инаковости и отчужденности. Оно фиксирует то, что остается без внимания в медицинской литературе: это страх смерти, беспомощность, оставленность на произвол судьбы. Болезнь – это, конечно, одиночество и опыт отчуждения, но одновременно и общественная проблема.

Ужасы чумных эпидемий запечатлены в искусстве позднего Средневековья, апокалиптических видениях смерти, в образах ада, дьявола, пляски смерти (*danse macabre*), в образе смерти как жнеца с косой и песочными часами в руках³³. Позднее – в европейской литературе от Джованни Боккаччо с его «Декамероном» до Даниэля Дефо и его романа «Дневник чумного года», от романа Алессандро Мандзони «Обрученные» с панорамой чумного Милана в 1630 года до «Чумы» Альбера Камю 1947 года. Это литературная традиция, повествующая о человеческом бессилии, безнадежности и хрупкости бытия.

Венерические заболевания, в первую очередь сифилис, стали темой и образом в литературе уже в эпоху модерна: Шарль Бодлер, братья Гонкур, Ги де Мопассан, Жорис Карл Гюисманс и другие с болезненным удовольствием живописали источенные сифилисом тела, изуродованные лица, гнойные раны³⁴. Эта болезнь служила ярким свидетельством того, какая пропасть отделяла художника от прозаичной пошлой здоровой банальности обычных буржуа.

Но ни одна болезнь, начиная с эпохи романтизма до современности, не нашла такого отклика и многообразного представления в литературе и культуре, как чохотка, ни один другой недуг не изображался в искусстве так широко и разнообразно.³⁵

Так, разнообразные сочинения сложились в целую традицию изображения чохоточных персонажей, в первую очередь, женских. Артур Шницлер в новелле «Умирание» изобразил все стадии болезни обреченного человека и его любви. В романе Теодора Фонтане «Эффи Брист» заглавная героиня умирает от чохотки – как и целый ряд героинь и героев у Льва Толстого и Федора Достоевского. Максим Горький, сам страдавший туберкулезом, в пьесе «На дне» выводит образ умирающей чохоточной Анны. Томас Манн посвятил чохотке целый роман «Волшебная гора» и более раннюю новеллу «Тристан», в обоих произведениях действие происходит в альпийском легочном санатории. Чохотка – самая литературная болезнь XIX века,

²⁹ Sontag S. *Aids und seine Metaphern*. Frankfurt/M., 2012. S. 107.

³⁰ Цит. по: Pohland V. *Op. cit.* S. 59.

³¹ См. об этом: Landsteiner G., Neurath W. *Op. cit.* S. 386.

³² См.: Schader B. *Op. cit.* S. 5.

³³ См.: Porter R. *Die Kunst des Heilens*. S. 125.

³⁴ Ср.: Herzlich C., Pierret J. *Op. cit.* S. 187.

³⁵ См.: Schader B. *Op. cit.* S. 4.

в том числе и потому, что многие литераторы, от Новалиса до Кафки и Клабунда³⁶, страдали от чахотки.

Художники Эдвард Мунк и Оскар Кокошка изобразили лицо этой болезни. Одновременно состоялся «выход» чахотки и на оперную сцену, где возвышенно и утонченно в последних нотах выпускали дух чахоточные женщины. За 40 лет, между 1853 и 1896 годами, были написаны три оперы, в которых смертельный недуг появлялся на сцене. Джузеппе Верди первым вывел на сцену в своей «Травиате» («сбившаяся с пути») смерть от чахотки (или вообще смерть от специфической болезни)³⁷. Умиравшая куртизанка Виолетта стала воплощением романтической болезни, благородного возвышенного недуга. Зная о скорой своей смерти, она, жертвуя собой, отказывается от своей любви и отпускает возлюбленного. В 1881 и 1895 годах были написаны еще две «чахоточные» оперы – «Сказки Гофмана» Жака Оффенбаха и «Богема» Джакомо Пуччини.

Во всех этих произведениях о чахотке не просто говорят: болезнь определяет действие и сюжет³⁸. Их главные героини, медленно и прекрасно погибающие юные и хрупкие девушки, делают эти оперы такими волнующими.

Чохотку изображали живописцы, перекладывали на музыку композиторы, описывали литераторы, осмыслили ученые и философы, иногда переживая опыт этого заболевания лично, иногда наблюдая за другими, обывателями и интеллектуалами.

Ну а так называемые простые люди редко оставляли свидетельства о своем недуге. Крестьяне или берлинские рабочие умирали в своих лачугах или на городских задворках без того, чтобы зафиксировать свой опыт болезни и оставить о нем свидетельство. Низшие сословия долгое время были не субъектом истории, а ее объектом. Объектом сожаления, сочувствия, жалости, чаще – презрения. Их чахотка была другой, не возвышенной и не утонченной, но низменной и настолько массовой, что разрушала образ романтической болезни избранных, одиночек, романтиков и гениев.

Чохотка – болезнь «особая» не только потому, что ее вознесли на пьедестал романтики. С XVIII века представления о чахотке постоянно менялись, иногда накладываясь друг на друга³⁹: «романтическая болезнь» в XVIII веке и до середины XIX века, «пролетарская болезнь» с конца XIX до первой трети XX века и «асоциальная болезнь» при национал-социализме. Пожалуй, ни один другой недуг не пережил столько драматических перемен в своем толковании.

Поначалу чахотка была частью романтического мифа об избранной исключительной личности, болезнью, подчеркивающей индивидуальность, духовно окрыляющей, возвышающей, недугом художников. Превращению чахотки из романтического мифа в полностью противоположный образ массовой болезни нищего пролетариата способствовала тотальная европейская индустриализация в последней трети XIX века. Туберкулез стал самой частой причиной инвалидности и нетрудоспособности среди некогда здоровых трудоспособных людей. Эстетизация чахотки кончилась, теперь речь шла о болезни нищеты и грязи, о пошлой пролетарской бацилле. Некоторое время две противоположные концепции чахотки еще сосуществовали.

Как болезнь рабочих, низших слоев общества и нищеты, чахотка стала символом невыносимых условий труда, скудного питания и труппных условий проживания. Она считалась

---

³⁶ Клабунд (настоящее имя Альфред Хершке, 1890–1928) – немецкий поэт, драматург и прозаик, представитель экспрессионизма. Умер от туберкулеза. Подробнее о Клабунде см. наст. изд., с. 165–174. – *Примеч. ред.*

³⁷ См.: Dietl N. Die Schwindsucht auf der Opernbühne. Verdi, Puccini und Offenbach als musikalische Bearbeiter einer stilisierten Krankheit im 19. Jahrhundert. Saarbrücken, 2008. S. 49.

³⁸ Ср.: Winkle S. Geißeln der Menschheit. Kulturgeschichte der Seuchen. Düsseldorf, 2005. S. 136.

³⁹ При подразделении на различные фазы и их обозначении автор следует книге: Hähner-Rombach S. Sozialgeschichte der Tuberkulose. Vom Kaiserreich bis zum Ende des Zweiten Weltkriegs unter besonderer Berücksichtigung Württembergs. Stuttgart, 2000. S. 30.

теперь «болезнью грязи», социально маркированной, следствием маргинального и деклассированного образа жизни и поведения, нужды и убожества по собственной вине, в конце концов – признаком вырождения, дегенерации.

Отсюда оставался один шаг до «асоциальной болезни», каковой чухотку объявили национал-социалисты. Больных туберкулезом принудительно изолировали в специальных лечебницах-тюрьмах, где их и не думали лечить, а, наоборот, старались скорее умерить, в клиниках и концентрационных лагерях на них ставили медицинские опыты, туберкулезные больные становились первыми жертвами эвтаназии.

Чухотка вызывала ужас, но и служила вдохновением для искусства. Она существенно повлияла на ясные и простые формы архитектуры модернизма – для туберкулезных больных были созданы особые лечебницы: архитекторы легочных санаториев, как и идеологи движения Neues Bauen⁴⁰, проектировали здания, которые способствовали бы здоровью людей. В большой степени туберкулез повлиял и на развитие законодательства в области здравоохранения.

Эта книга намеренно сосредотачивается на периоде с начала романтизма до окончания национал-социализма, представляет два противоположных отношения к болезни и больным – от их идеализации до уничтожения. Объединяет эти два крайних отношения неизвестность, тайна: лекарства от туберкулеза не было. А ведь если бы чухотку умели лечить, в эпоху романтизма она не была бы так возвышенно-загадочна, так романтична, потому что исчезла бы тайна. Будь туберкулез излечим, и врачи Третьего рейха не осмелились бы на свои бесчеловечные опыты. Лишь после Второй мировой войны, когда нашли лекарство, туберкулез и чухотка превратились в банальную инфекцию.

Эта книга рассказывает об истории чухотки как об истории в первую очередь немецкого общества, но одновременно с этим автор бросает взгляд и на историю других европейских стран, прежде всего на судьбы и творчество художников и литераторов, которые создали определенные представления, образы и метафоры болезни.

Историк Дирк Блазиус назвал туберкулез «сигнальной болезнью», «культурным, общественным и политическим феноменом, обозначающим взлеты и падения, пути и перепутья Германии»⁴¹.

Такой путь общественного восприятия чухотки от вершины до пропасти прослеживается в этой книге: вниз с романтического пьедестала, через культуру, искусство, музыку, последний иронический отголосок у Томаса Манна. И еще ниже: в разряд болезней нищеты и в самую бездну, вплоть до бесчеловечной нацистской идеологии. Это спуск с «волшебной горы» Томаса Манна в концентрационный лагерь. История чухотки – это история обесценивания.

---

⁴⁰ Neues Bauen («Новое строительство») – направление в архитектуре модернизма, декларирующее примат функциональности над декоративностью, приверженность новым строительным технологиям и материалам. Расцвет направления пришелся на 1920–30-е годы. – *Примеч. ред.*

⁴¹ Blasius D. Tuberkulose: Signalkrankheit deutscher Geschichte // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1996. Bd. 47. S. 320–332, зд. S. 320.

Часть I. *Mycobacterium Tuberculosis*

1. *Великий медицинский перелом*

Всё началось с Роберта Коха. Его эпохальное открытие бациллы – возбудителя туберкулеза в 1882 году разделило историю чухотки и ее лечения на добактериологическую эпоху и бактериологическую, на время до Коха и после Коха⁴².

До его новаторского исследования оставались загадкой причины болезни, способы ее возникновения и распространение. Чухотку даже не умели четко диагностировать, и эта неясность дала повод для многочисленных толкований и спекуляций. Чухотка казалась таинственной, роковой, неизлечимой. Благодаря открытию Коха из загадочного несчастья она превратилась в одну из многих инфекционных болезней, которая, однако, еще долгое время оставалась среди основных причин смерти. Чухоточный больной, которого болезнь якобы выбрала по каким-то своим загадочным правилам, превратился в обыкновенного носителя бациллы, высокий недуг, вдохновлявший литераторов и художников, сделался просто следствием недостатка гигиены, который надеялись в скором времени преодолеть с помощью естественных наук. Прогресс в исследовании чухотки уничтожил ее загадочность и принес трезвое разочарование.

Между 1870 и 1914 годами Германия стремительно менялась: экономика развивалась невиданными темпами, человек научился летать, в воздух поднимались первые цеппелины. Каждый год происходили новые открытия: паровая машина, железная дорога, химическая промышленность, использование газа для освещения, отопления, кухонных плит и доменных печей, повсеместная электрификация. Аграрная Германия за несколько десятилетий превратилась в мощную промышленную державу⁴³.

Ни в какой другой стране экономика и наука не были так переплетены друг с другом. Химия, оптика и электротехника из Германии завоевывали мировой рынок. Германскую империю распирало от гордости и уверенности в собственных силах. Прогресс – вот волшебное слово, ставшее лозунгом эпохи. Вера в неуклонное развитие – прежде всего в естественных науках – предполагала, что и человечество тоже будет развиваться. Вернер фон Сименс в 1886 году перед 2700 слушателями в столице провозгласил, «что новая научная эпоха принесет сокращение нужды и болезней, повысит уровень жизни, сделает людей лучше, счастливее и примирит их с их судьбой»⁴⁴. «Свет истины» вознесет их «на более высокую ступень бытия». Естественные науки в течение XIX столетия сменили теологию по части толкования мира и определения смысла бытия.

Медицина начиная с первой половины XIX века в своих знаниях и методах всё больше равнялась на прогресс в физике, химии, биологии и технике.

Решающим прорывом следует считать, очевидно, 1858 год, когда Рудольф Вирхов предложил новую медицинскую концепцию – теорию клеточной патологии⁴⁵. Вирхов, с 1856 года штатный профессор общей патологии в Берлине, видел для медицины единственный возмож-

---

⁴² См.: Nähner-Rombach S. Sozialgeschichte der Tuberkulose. S. 22.

⁴³ См.: Rohkrämer T. Lebensreform als Reaktion auf den technisch-zivilisatorischen Prozeß // Die Lebensreform. Entwürfe zur Neugestaltung von Leben und Kunst um 1900. Darmstadt, 2001. Bd. 1. S. 73.

⁴⁴ Цит. по: Hermann A. Auf eine höhere Stufe des Daseins erheben – Naturwissenschaft und Technik. Die Weltenergien unserer Tage // Nitschke A. u. a. Jahrhundertwende. Der Aufbruch in die Moderne 1880–1930. Reinbek, 1990. Bd. 1. S. 312–336, зд. S. 312f.

⁴⁵ О Рудольфе Вирхове см.: Leven K.-H. Geschichte der Medizin. S. 51, а также: Winau R. Der verbesserte Mensch // Nitschke A. u. a. Op. cit. Bd. 1. S. 286–311, зд. S. 286–288.

ный путь развития: «Позиция, о которой мы должны помнить и которой должны придерживаться, – просто-напросто естественнонаучная»⁴⁶.

Вирхов полагал, что основной строительный материал для всего живого – не органы и ткани, а клетки: «*Omnis cellula e cellula*» («Каждая клетка происходит от клетки»). Ответственными за здоровье и болезнь были для Вирхова физические и химические изменения внутри клетки. Вирхов на протяжении десятилетий был наиболее значимой, авторитетной и выдающейся личностью в медицине, в том числе далеко за пределами Германии. В Берлине он считался «профессором профессоров»⁴⁷.

Но если болезни вызываются химическими и физическими изменениями в клетках, значит, должны быть естественнонаучные методы для выявления этих процессов. Тогда так же, как и в химии, физике и биологии, все процессы в человеческом теле могут быть изучены и предсказаны путем экспериментов на животных и людях⁴⁸.

Наряду с клеточной патологией Вирхова медицинскую науку значительно продвинуло и еще одно открытие: бактериология Роберта Коха.

Мнение, что болезни бывают заразными и таким образом распространяются, существовало давно, но до сих пор превалировали другие теории. Доказать теорию инфекционных болезней удалось лишь французу Луи Пастеру. Он установил, что причина заболеваний гусеницы-шелкопряда – микроорганизмы.

Роберт Кох подтвердил эту теорию. Он первым выяснил, что сибирская язва также имеет бактериальное происхождение. В то время Кох был окружным врачом в городе Вольштейн провинции Позен. Он проводил свои опыты в самых стесненных обстоятельствах, в помещении собственной врачебной практики, в крошечной лаборатории, лишь одной занавеской отгороженной от приемного кабинета. Кох исследовал открытые его предшественниками палочкообразные структуры в крови больных сибирской язвой животных, и ему удалось доказать, что они и есть возбудители болезни. За это открытие Кох в 1880 году был приглашен в только что открытый Имперский департамент здравоохранения в Берлине. Здесь он мог как руководитель бактериологического отдела проводить свои исследования в уже весьма благоприятных условиях, в хорошо оснащенной лаборатории, в постоянно растущем коллективе сотрудников и учеников.

24 марта 1882 года Кох выступил в Берлинском физиологическом обществе со своим знаменитым докладом «О туберкулезе». Он начал свою речь словами, которые не оставляли никакого сомнения в значимости его исследований: «Если масштаб и значение болезни определяется числом ее жертв, тогда все болезни, особенно самые страшные инфекционные – чума, холера и другие, – должны уступить место туберкулезу. Согласно статистике, 1/7 всех заболевших в мире умирает от туберкулеза, а если принять в расчет только среднюю возрастную группу трудоспособного населения, то ее туберкулез выкашивает на треть, а иногда и больше»⁴⁹.

В своем докладе Кох сформулировал постановку вопроса, описал порядок и условия проведения опытов и представил результаты. Коху удалось выделить бактерии туберкулеза в зараженных тканях с помощью новой техники окрашивания, изолировать возбудителя и вывести его штамм в чистой культуре. После чего препарат вводили подопытным животным, у которых проявлялись симптомы туберкулеза. Возбудителя нужно выявлять и доказывать в каждом отдельном случае заболевания. Отсутствие бактерии позволяет исключить болезнь. Этот подход к диагностике лег в основу так называемых постулатов Коха.

---

⁴⁶ См.: Winau R. Op. cit. S. 288.

⁴⁷ Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. S. 83.

⁴⁸ См.: Leven K.-H. Geschichte der Medizin. S. 51f.

⁴⁹ Цит. по: Blasius D. Op. cit. S. 322.

Исследования Коха определили дальнейшее развитие бактериологии и задали международные научные стандарты в этой области.

Результатом своих экспериментов Кох объявил «первое удачное полноценное доказательство того, что человеческие инфекционные болезни, в том числе и важнейшая из них, имеют паразитарную природу»⁵⁰. В конце доклада ученый подвел итог: «В будущем в борьбе против этой страшной беды рода человеческого врачи будут иметь дело не с неопределенным Нечто, но с очевидным паразитом, условия существования которого по большей части известны и еще будут изучены»⁵¹. Кох закончил свой доклад в полной тишине.

Ужасный туберкулез превратился в объект бактериологии, а его статус важнейшей болезни современности придал этой отрасли знания соответствующую репутацию⁵².

Роберт Кох сумел идентифицировать возбудителей трех болезней: сибирской язвы, туберкулеза и год спустя – холеры. Благодаря этим исследованиям он приобрел всемирную известность. В мае 1885 года Кох стал директором только что созданного Института гигиены в Берлинском университете. Со всего мира стекались студенты в его лабораторию на Клостерштрассе. Среди его учеников того времени многие стали впоследствии выдающимися учеными, среди них Эмиль фон Беринг, лауреат Нобелевской премии 1901 года за исследования в области иммунной терапии.

Ни одно научное направление не отражало веру в прогресс в такой степени, как бактериология. Она считалась наукой открытий и сенсаций, она стала «героической» ведущей отраслью медицины, где ученые добивались мирового признания. Политики и представители общественности почитали корифеев бактериологии как «людей, сражающихся со смертью и дьяволом»⁵³. Роберт Кох в Германии и Луи Пастер во Франции, сооснователи микробиологии и бактериологии, с готовностью приняли эту роль. И превратились в ожесточенных соперников.

Прусское государство поощряло исследования в университетах, поддерживало развитие исследовательских институтов. Исследованиями Коха весьма интересовалась и прусское военное ведомство. Коху было поручено обучение штабс-врачей – военных врачей, которые имели дело с бактериологией и поступали на службу в Императорское ведомство здравоохранения⁵⁴. Военная риторика стала частью медицины. Так, Кох говорил о «войне против мельчайших, но опаснейших врагов рода человеческого»⁵⁵. Цель медицины также определялась по-военному: полное уничтожение болезни.

Бактериологи видели «неполитический разум» возбудителя болезни, над которым можно было одержать победу исключительно естественнонаучными методами⁵⁶. Для государства обещания бактериологии и ее перспективы были привлекательнее и дешевле, чем социально-политические требования либералов, которые настаивали на радикальном улучшении условий жизни заболевших.

Бактериология изменила не только само понимание болезни, но и отношение к больным. В медицине вера в прогресс заставляла всё больше концентрироваться на новых методах и измерениях, а их могли гарантировать новые инструменты. Так, пульс стали измерять по секундной стрелке, а температуру по четко выверенной шкале и изображать в виде графика кривой. Теперь все телесные проявления подлежали измерению и подсчету: всё, что возможно, должно быть переведено в четкие данные и учтено статистически.

---

⁵⁰ Цит. по: Elkeles B. Robert Koch (1843–1910) // *Klassiker der Medizin. Zweiter Band. Von Philippe Pinel bis Viktor von Weizsäcker*. München, 1991. S. 247–271, зд. S. 255.

⁵¹ Цит. по: Leven K.-H. *Die Geschichte der Infektionskrankheiten*. S. 113.

⁵² *Ibid.* S. 100.

⁵³ См.: Leven K.-H. *Geschichte der Medizin*. S. 53f.

⁵⁴ См.: Leven K.-H. *Die Geschichte der Infektionskrankheiten*. S. 119.

⁵⁵ Там же. S. 124.

⁵⁶ Там же. S. 121.

Медицина не заикливалась больше на одной только постели больного: она переместилась в лабораторию. Всё, что происходит в теле человека, теперь можно было проверить экспериментально, проведя опыты на животных. Теперь пациент мог быть сведен к совокупности биологических процессов, происходящих в его теле, и это казалось гарантией научной объективности. Всякое религиозное, моральное или социальное толкование и осмысление его страданий стало рассматриваться как избыточное. Больной с его страхами, чувствами и страданиями отступал на задний план, вперед выступали его клинические симптомы – медицину интересовало не самочувствие больного, но «объективное» состояние вещей. История больного превратилась в историю болезни.

Естественные науки, включая развивающуюся медицину, опирались на мнения мировых авторитетов. Знаменитое высказывание Вирхова «Медицина есть наука социальная, а политика – не что иное, как медицина в особо крупных масштабах» свидетельствует о безграничной власти и авторитетности естественных наук, об их почти религиозном возвышении⁵⁷. Врачи стали играть в обществе ведущую роль. К их советам прислушивались в политике, они заботились о благополучии государства и индивидуума⁵⁸. Мишель Фуко назвал эту власть «медиализацией», когда болезнь трактовалась как «отклонение». Под медиализацией Фуко понимал переосмысление больного из страдающего субъекта в больной объект⁵⁹.

Около 1900 года медицина как естественная наука достигла своего доминирующего положения. И успехи ее были действительно поразительны. Между 1880 и 1890 годами были открыты возбудители таких болезней, как проказа и малярия, холера и дифтерия, столбняк и пневмония, чума, сифилис и коклюш. Причины заболеваний становились всё четче и яснее.

И всё же бактериология с ее притязанием на абсолютное знание страдала от нескольких очевидных недостатков и изъянов. Методы и медикаменты, которыми наука предполагала бороться с инфекционными болезнями, заметно отставали от триумфального развития дисциплины. На каждого возбудителя требовалось свое лекарство, а для многих болезней, в том числе для чохотки, это означало «когда-нибудь потом».

Кроме того, медицина не в силах была объяснить многие факты, связанные с болезнью: например, почему смертность от туберкулеза с последней трети XIX века пошла на спад⁶⁰ или почему болезнь прогрессировала не у всякого, кто уже был инфицирован. Основательные и обширные исследования 1900 года показали, что практически все люди так или иначе инфицированы туберкулезом, но лишь небольшая часть из них действительно заболевает. Очевидно, существует предрасположенность к туберкулезу, но существует и резистентность. Ведь были же действительно здоровые «носители бациллы»⁶¹.

Mycobacterium tuberculosis была открыта, но не побеждена и не исследована. Граница между двумя эпохами, проведенная открытием Роберта Коха, оказалась проницаемой для разнообразных старых и новых концепций болезни там, где бактериологии не доставало объяснительной силы. Чохотку научились диагностировать, но всё еще не способны были лечить, а это привело к тому, что прежние, зачастую уже устаревшие трактовки болезни никуда не исчезли – и порой выглядели даже убедительнее и правдоподобнее, чем ранее.

---

⁵⁷ Цит. по: Labisch A. *Homo Hygienicus: Gesundheit und Medizin in der Neuzeit*. Frankfurt/M., 1992. S. 253.

⁵⁸ См.: Bergdolt K. *Leib und Seele. Eine Kulturgeschichte des gesunden Lebens*. München, 1999. S. 305.

⁵⁹ См.: Condrau F. *Lungenheilstalt und Patientenschicksal. Sozialgeschichte der Tuberkulose in Deutschland und England im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Göttingen, 2000. S. 24.

⁶⁰ Ср.: Hähner-Rombach S. *Sozialgeschichte der Tuberkulose*. S. 74.

⁶¹ См.: Dietrich-Daum E. *Die «Wiener Krankheit». Eine Sozialgeschichte der Tuberkulose in Österreich*. Wien; München, 2007. S. 108; Max K. *Liegekur und Bakterienrausch. Literarische Deutungen der Tuberkulose im «Zauberberg» und anderswo*. Würzburg, 2013. S. 39.

2. Возбудитель

Туберкулез – это хроническая инфекционная болезнь, которую вызывает бактерия *Mycobacterium tuberculosis*⁶². Болезнь может поразить любые органы и системы человеческого организма. Существует туберкулез кожи, костей, кишечника, урогенитальной системы, горла, а также туберкулезное воспаление коры головного мозга⁶³. Поскольку возбудитель может вызывать столь разные симптомы, до открытия бактерии все эти проявления считались разными болезнями. В нашей книге речь идет о наиболее распространенной форме туберкулеза – легочной, о чухотке. Она наложила свой отпечаток на историю общества, культуры, идей.

Mycobacterium tuberculosis передается, как правило, воздушно-капельным путем. Когда человек, больной туберкулезом, говорит, кашляет, чихает, крошечные капельки, которые он выдыхает, могут содержать туберкулезную бактерию. И если другой их вдохнет, бактерии попадут в дыхательные пути. Контакт с пылью или мокротой, зараженным молоком или мясом также может стать причиной заражения⁶⁴.

При первичном заражении проникшие в организм микобактерии оседают в легких и вызывают воспаление. Организм отгораживает микробов стеной из антител, так называемых макрофагов, и инкапсулирует очаг воспаления. Появляются узелки под названием туберкулы. Так развивается первичный туберкулезный комплекс, который, как правило, затухает. При полной инкапсуляции воспаление исчезает, и инфицированный не заболевает. Инфекция может прибывать в таком состоянии годами, не беспокоя человека никакими симптомами.

Если человеку удастся справиться с первичной инфекцией, у него не вырабатывается иммунитет, как при других инфекциях. Туберкулез может вернуться в любую минуту, если иммунная система ослабеет, будь то в период первичной инфекции или спустя много времени. В легких снова появляются очаги воспаления, туберкулы сливаются вместе, легочная ткань распадается и превращается в жидкость. Образуются полости – каверны, раньше это явление называли «истощением» легких⁶⁵. Каверны создают идеальную почву для *Mycobacterium tuberculosis*. Если воспаление в легком разрастается, бактерии добираются до бронхов, и больной начинает кашлять, речь идет об открытой форме туберкулеза, заразной. Если в редких случаях болезнь через кровеносную или лимфатическую систему распространяется по телу, это называют милиарным туберкулезом.

Заболеет ли инфицированный человек, зависит в равной степени как от количества и активности бактерий, которые он вдохнул, так и от сопротивляемости его организма. Как и в случае со СПИДом, при туберкулезе четко различают инфицированных и заболевших, поскольку лишь у 10–15 % заразившихся инфекция переходит в болезнь⁶⁶.

---

⁶² См. прежде всего: Deutsches Zentralkomitee zur Bekämpfung der Tuberkulose (далее DZK). Was man über Tuberkulose wissen sollte. Eine Informationsschrift für Patienten und ihre Angehörigen. Berlin, 2014. S. 8–12; а также: Hähner-Rombach S. Sozialgeschichte der Tuberkulose. S. 20.

⁶³ Особая форма туберкулеза – скрофулёз, или золотуха, туберкулез шейных лимфатических узлов, ему подвержены в основном дети. Для этой болезни характерны вздувшиеся шейные лимфоузлы, распухший из-за постоянного насморка нос, вспухшая и потрескавшаяся верхняя губа, напоминающая свиной пяточок. Отсюда и название болезни: на латыни *scrofulus* означает «поросенок». В Англии и Франции веками верили, что король умеет исцелять золотуху наложением рук. Этот обычай был упразднен во Франции накануне Великой буржуазной революции, но в 1824 году Карл X ненадолго ввел его снова. См. об этом: Winkle S. Geißeln der Menschheit. Kulturgeschichte der Seuchen. Düsseldorf, 2005. S. 101, а также: Vasold M. Pest. Not und schwere Plagen. Seuchen und Epidemien vom Mittelalter bis heute. Augsburg, 1999. S. 256.

⁶⁴ Раньше бактерии туберкулеза могли попасть в кишечник через зараженное молоко, однако случаи заражения коровьим туберкулезом крайне редки.

⁶⁵ См.: Hähner-Rombach S. Künstlerlos und Armenschicksal. S. 279.

⁶⁶ Ср.: Max K. Op. cit. S. 25.

Чихотка начинается безо всяких специфических симптомов, такие могут быть у множества других болезней: кашель, в том числе хронический, потеря веса и аппетита, утомляемость, легкая температура, покалывание в груди, боль в суставах, учащенный пульс, ночная потливость. Если заболевание прогрессирует так, что разрушается легочная ткань, появляются мокрота и кровохарканье⁶⁷.

---

⁶⁷ Ibid. S. 25f.

3. Бактерия с историей

Mycobacterium tuberculosis, пожалуй, всё же моложе человечества. Молекулярные биологи полагают, что бактерия впервые инфицировала человека около 15–20 тысяч лет назад⁶⁸, тогда как человеку уже около 2 миллионов лет. Нельзя, однако, исключать, что больные туберкулезом существовали и в более ранние времена. В ходе исследования останков человека прямоходящего на территории Турции внутри черепной коробки были обнаружены следы, какие могло бы оставить воспаление коры головного мозга, вызванное туберкулезом.

В древности с чахоткой были хорошо знакомы. Некоторые из древнеегипетских мумий несут следы туберкулеза костей, который позднее называли туберкулезным спондилитом, или болезнью Потта^{69, 70}. Останки скелета представляют определенную деформацию позвоночника: инфекция разрушила несколько позвонков и спланировала их в бесформенную костяную массу. Если у больного под тяжестью тела ломается позвоночник, человек становится горбатым. Кавернозный туберкулез позвоночника обычно протекает вместе с легочной чахоткой. Науке известны подобные находки из эпохи империи инков и древнего Вавилона. Болезнь Потта – единственная форма туберкулеза, позволяющая поставить точный диагноз спустя такое количество времени.

В древнегреческой литературе времен Гиппократа употребляется термин «фтизис» – чахотка. Сам Гиппократ описывает в основном симптомы, которые могут свидетельствовать и о другой болезни, например, об абсцессе легкого⁷¹.

Греки воспринимали болезнь как естественное проявление человеческого тела, само собой разумеющееся. Они первыми сформулировали рациональную и секулярную концепцию медицины, удалив из нее всё иррациональное, магическое, любое влияние высших сил⁷². Здоровье достигалось через гармоничный образ жизни.

Еще в античности чахотка заявила о себе как болезнь городов, где люди живут скученно, тесно и без должной гигиены. Если греческие полисы вмещали в себя обозримое количество постоянных жителей, то древний Рим, столица постоянно растущей империи, разросся до настоящего мегаполиса-молоха. Еще задолго до эпохи императоров здесь строили и сдавали внаем многоэтажные и многоквартирные доходные дома казарменного типа, где жильцы ютились иногда в крошечных комнатках даже без окон. Идеальные условия для чахотки. Кровохаркающий больной назывался «хемофтизикус» (*haemophthisicus*)⁷³. Драматург Плавт, никогда не употребивший ни единого бранного слова или резкого выражения, упоминал в своих комедиях о том, как кого-то «стошнило собственными легкими» (*pulmoneum vomere*)⁷⁴.

В Средневековье, должно быть, немалую роль в распространении чахотки сыграла привычка людей плевать. Тогда верили, что слюна защищает от грозящей беды: трехкратный плевок прогонял дьявола и злых духов⁷⁵. Плевали везде: на улицах, в жилище, даже в церкви. Социолог Норберт Элиас в своем главном труде «О процессе цивилизации» посвятил этой теме

---

⁶⁸ Ср.: DZK. Was man über Tuberkulose wissen sollte. S. 7.

⁶⁹ Ср.: Winkle S. Op. cit. S. 87f.

⁷⁰ Болезнь Потта названа по имени Персиваля Потта, который первым в 1779 году научно описал симптомы туберкулеза позвоночника.

⁷¹ См.: Ferlinz R. Die Tuberkulose in Deutschland und das Deutsche Zentralkomitee zur Bekämpfung der Tuberkulose // 100 Jahre Deutsches Zentralkomitee zur Bekämpfung der Tuberkulose (DZK). Der Kampf gegen die Tuberkulose. Frankfurt/M., 1996. S. 9–50, зд. С. 9.

⁷² Winkle S. Op. cit. S. 91.

⁷³ О плевании см.: Ibid. S. 94.

⁷⁴ Ibid. S. 95.

⁷⁵ Ibid. S. 109.

целую главу. Он пишет, что плевание было принято даже среди западноевропейского дворянства, даже в трапезных во время застолья. Перемещения больших людских масс во время Крестовых походов также способствовали распространению инфекционных болезней⁷⁶.

Поскольку средневековая Европа была населена неплотно, чохотка не играла большой роли. Зачастую ее даже не узнавали, она протекала хронически, незаметно, медленно сводя больного в могилу. Европейское население выкашивали проказа и чума, их боялись сильнее всего.

В XVI и XVII веках хроническая хворь стала привлекать больше внимания, поскольку даже царствующие особы болели туберкулезом, среди них – представители династий Бурбонов и Валуа⁷⁷. Например, Карл IX, в чье краткое царствование во время Варфоломеевой ночи в 1572 году в Париже католики устроили резню гугенотов. Карл часто кашлял кровью, и после его смерти в 1574 году в возрасте 24 лет во время вскрытия в его легких были обнаружены каверны. Болели чохоткой и английские Тюдоры⁷⁸.

С XVII века заболеваемость чохоткой возросла. Причиной стали рост городов и недостаток гигиены. В Средневековье любили бани, а вот горожане XVII века начали бояться воды после эпидемии сифилиса, захлестнувшей Европу в эпоху Возрождения, в результате бани были закрыты⁷⁹. Особенности одежды того времени тоже очевидным образом влияли на распространение чохотки. Из-за тесных шнурованных корсетов у женщин легкие не могли дышать в полную силу, отчего дамы были предрасположены к легочным заболеваниям. Еще один экстравагантный элемент женской моды сыграл свою роль в истории болезни: длинные подолы, волочившиеся за платьем по земле, оборки, длина которых свидетельствовала о социальном статусе и общественном положении хозяйки. Именно эти шлейфы замечали с улицы в дом всякую грязь и микробов⁸⁰.

С этого времени всё чаще можно обнаружить свидетельства того, что чохоткой болели художники и их семьи. Чохотка стала проклятием для семьи Рембрандта⁸¹. Его жена, дочь знатного горожанина, Саския, чью красоту художник запечатлел на многочисленных полотнах и рисунках, в детстве осталась сиротой, когда ее мать умерла от чохотки. Трое детей Рембрандта и Саскии умерли в младенчестве. Во время четвертой беременности Саския заболела и впоследствии не смогла кормить новорожденного сына Титуса, ребенку взяли кормилицу. Рембрандт изобразил свою умирающую жену на одном трогательном рисунке. Саския скончалась, вероятно, от туберкулеза 14 июня 1642 года. Натурщица и сожительница Рембрандта Хендрикке Стоффельс, воспитавшая его сына Титуса, умерла от чохотки в 1663 году. Спустя пять лет та же болезнь унесла и 27-летнего Титуса.

В том же XVII веке жертвой чохотки стал Жан-Батист Поклен, известный миру под именем Мольера⁸². Тринадцать лет он колесил по Франции со своей труппой странствующих артистов и, вероятно, в этот период и заразился туберкулезом. Вскоре после того как Людовик XIV пригласил труппу в Версаль, Мольер перенес обширное легочное кровотечение. Он прожил после этого еще восемь лет, и эти годы прошли в постоянной борьбе не только с недугом, но и с врачами парижского медицинского факультета, которые норовили его лечить, прописывая клистиры и пуская кровь, отчего ему становилось только хуже. Не случайно Мольер считал,

---

⁷⁶ Ibid. S. 106.

⁷⁷ См.: Ruffie J., Sourmia J.-Ch. Op. cit. S. 99.

⁷⁸ О Валуа и Тюдорах см. также: Winkle S. Op. cit. S. 103, 113.

⁷⁹ См. об этом: Redeker F. Epidemiologie und Statistik der Tuberkulose // Handbuch der Tuberkulose in fünf Bänden. Allgemeine Grundlage. Stuttgart, 1958. Band I. S. 407–495, зд. С. 416.

⁸⁰ Ср.: Winkle S. Op. cit. S. 110.

⁸¹ О Рембрандте см.: Ibid. S. 114f.

⁸² Ibid. S. 118–120.

что его пользуют дилетанты, и от души поиздевался над беспомощными недоучками в своих пьесах.

Когда Мольер писал комедию «Мнимый больной», он сам был уже смертельно болен. Во время представления 17 февраля 1673 года, когда автор играл роль мнимого больного, на сцене его мучил тяжелый приступ кашля. Он доиграл пьесу до конца и скончался вскоре после финала от легочного кровотечения, не успев даже снять костюм.

Один из крупнейших живописцев эпохи рококо Антуан Ватто, живописец «галантных празднеств» (*fêtes galantes*), сам мог пережить этот праздник жизни только в своем воображении⁸³. Он писал пастельными красками ликование жизни, радость бытия, чрезмерную утонченность и изысканность умирающего рококо. Его полотна – невесомые воздушные сны о жизни, лишенной малейшей заботы и тяжести: пикники на природе под неизменным солнцем, музыкальные концерты в саду, изящные дамы в мерцающих шелковых платьях, кавалеры, воплощенная галантность и внимательность. И всё же на этих полотнах лежит отпечаток печали, ощущения конечности всей этой красоты и легкости. Вероятно оттого, что Ватто болезненно ощущал собственную смертность. Чохоточный больной, он кашлял кровью у себя в мансарде под крышей. Как и Мольер, он чувствовал, что его допекают врачи-шарлатаны. Перед кончиной он набросал рисунок, который сохранился в виде резцовой гравюры: знахари-шарлатаны с клистирами преследуют пациента.

Философ культуры и журналист Эгон Фридель писал о художнике: «Ватто умирал от чохотки, и вся его жизнь, всё его творчество были чохоточной эйфорией. Само рококо было умирающей эпохой, и его жизнерадостность и жизнелюбие не что иное, как своего рода туберкулезная чувственность и последняя попытка обмануть смерть. Яркий румянец на их щеках – это следствие лихорадки, так называемые гектические пятна»⁸⁴.

Фридель писал о Ватто уже в другую эпоху, когда бактериология была развита как наука, с помощью понятий и образов, уходящих корнями еще в античность. В конце XVIII века эти образы приводят к новому, возвышенному пониманию болезни, и прежде всего туберкулеза.

Начиная с XVIII века толкование и изображение чохотки изменились. Романтики видели в чохотке не просто болезнь, но способ познания и просветления. Чохотка превратилась в «романтическую лихорадку», смертельную, но чувственную, окрыляющую дух и облагораживающую.

---

⁸³ О Ватто см.: Ibid. S. 120f.; Gombrich E. H. Die Geschichte der Kunst. Erweiterte, überarbeitete und neu gestaltete 16. Ausgabe. Frankfurt/M., 1996. S. 454f.

⁸⁴ Friedell E. Kulturgeschichte der Neuzeit. Die Krisis der Europäischen Seele von der Schwarzen Pest bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2008. S. 565.

Часть II. Романтическая лихорадка

1. Воплощенное страдание

В XIX веке врачи распознавали чахотку по типичному «кладбищенскому кашлю», он же «кладбищенский йодль»⁸⁵, по хронической температуре, испарине, приступам удушья и потере веса. Но лечить болезнь не умели и не понимали ее причин.

Чохотка поражала прежде всего молодых и была самой частой причиной смерти среди населения от 15 до 30 лет. В Пруссии в 1890 году 44 % всех смертельных случаев во всех возрастных группах приходилось на чахотку^{86, 87}. Молодые люди заболели и умирали в том возрасте, когда самая пора влюбляться, жениться, рожать детей. «Для больного время самой большой любви совпадает со временем смерти»⁸⁸.

Этот мифологический союз молодости и смерти, расцвета и распада завораживал художников и поэтов по всей Европе. Многие из них сами были больны. Список тех, чья жизнь и творчество прервала чахотка на рубеже XVIII и XIX веков, длинен и полон известных имен: Кристоф Хёльти, Готфрид Август Бюргер, Карл Филипп Мориц, Новалис, Филипп Отто Рунге, Джон Китс, Адельберт фон Шамиссо, Никколо Паганини, Фредерик Шопен, Эмили и Энн Бронте. «Следует однажды написать литературную историю чахотки, – заявил в начале XX столетия поэт и писатель Клабунд, также страдавший от этой болезни, – этот физический недуг имеет свойство менять душевный склад заболевших. Они носят на себе каинову печать обращенной вовнутрь страсти, которая разъедает их легкие и сердце»⁸⁹.

Загадочное происхождение чахотки, скрытые поначалу симптомы способствовали эстетизации болезни и представлению о ней как о недуге натур возвышенных, художественных, тонких и чувствительных.

Чохотка была болезнью XIX века, на протяжении столетия с лишним она была воплощением страдания и породила новое, романтизированное восприятие болезни⁹⁰. Считалась, что чахотка – болезнь «особенная», что она одухотворяет, украшает, делает чувствительным и восприимчивым, о чем свидетельствовали не только произведения искусства и литературы, но и медицинские труды.

---

⁸⁵ См.: Dietrich-Daum E. Op. cit. S. 41.

⁸⁶ Condrau F. Lungenheilstalt und Patientenschicksal. S. 43.

⁸⁷ Среди мужчин группу наибольшего риска умереть от чахотки составляли тридцатилетние, среди женщин чаще всего умирали от чахотки двадцатилетние. См.: Condrau F. Lungenheilstalt und Patientenschicksal. Sozialgeschichte der Tuberkulose in Deutschland und England im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert. Göttingen, 2000. S. 46.

⁸⁸ См.: Ruffie J., Sourmia J.-Ch. Op. cit. S. 100.

⁸⁹ Цит. по: Max K. Op. cit. S. 105.

⁹⁰ См.: Herzlich S., Pierret J. Op. cit. S. 40.

2. Идеализированная болезнь

Романтизм трактовал болезнь не как ограничение, дефицит или недостаток: напротив, он считал ее закономерной частью бытия, более того – способом глубинного познания жизни. Классицизм провозглашал «Прекрасное, доброе, истинное», гуманное, добродетельное и возвышенное, равновесие и гармонию, фантазию, усмиренную стилем и разумом. Романтики высвободили фантазию из этих рамок. Они покончили не только с просветительским требованием рациональности и полезности, но еще и открыли для себя смутность и расколотость мира. Сказки, религия, мечта и волшебство, но и «ночная сторона жизни», кошмар и морок. Новые мотивы и состояния засверкали всеми гранями: любовь и смерть, затмение разума и бессознательное, отчаяние, безумие, болезнь⁹¹.

Новалис писал: «Поэзия властно правит болью и соблазном – желанием и отвращением – заблуждением и истиной – здравием и недугом. Она смешивает всё во имя собственной великой цели всех целей – во имя возвышения человека над самим собой»⁹².

Романтизм эстетизировал болезнь и смерть, придал им философскую ценность. Естествоиспытатели, врачи, поэты и художники открыли их метафизический смысл. Филипп Арьес назвал романтизм «эпохой прекрасной смерти»^{93, 94}. Смерть «...не страшна, не безобразна. Она прекрасна, и сам умерший красив»⁹⁵.

Страх перед смертью был прежде всего страхом окончательного прощания с любимым человеком. Романтики противопоставили этой потере фантазию вечного единства и общности: смерть не разлучает влюбленных, она-то как раз и соединяет их навеки⁹⁶.

---

⁹¹ См.: Beutin W. u. a. Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart; Weimar, 1994. S. 173ff. А также: Frevert U. Der Künstler // Der Mensch des 19. Jahrhundert. Essen, 2004. S. 292–323, зд. S. 298f.

⁹² Цит. по: Engelhardt D. von. Krankheit, Schmerz und Lebenskunst. Eine Kulturgeschichte der Körpererfahrung. München, 1999. S. 67.

⁹³ Aries Ph. Geschichte des Todes. München, 1995. S. 521.

⁹⁴ Здесь и далее «Человек перед лицом смерти» Филиппа Арьеса цитируется в переводе В. Ронина. – *Примеч. пер.*

⁹⁵ Ibid. S. 601.

⁹⁶ См.: Anz T. Der schöne und der häßliche Tod. Klassische und moderne Normen literarischer Diskurse über den Tod // Klassik und Moderne. Die Weimarer Klassik als historisches Ereignis und Herausforderung im kulturgeschichtlichen Prozeß. Stuttgart, 1983. S. 409–432, зд. S. 420.

3. Новалис: болезнь как принцип художественного творчества

Ни один поэт не был так тесно и проникновенно связан со смертью, как Георг Филипп Фридрих фон Харденберг, именовавший себя Новалисом⁹⁷. «Никто другой, рассматривая человека по отношению к неизбежной смерти, не доходил до столь фундаментальных глубин в его постижении», – пишет его биограф Винфрид Фройнд⁹⁸. На неизбежность скорой смерти поэт отвечал неистовым творчеством, чтобы творческое начало восторжествовало над гибелью.

---

⁹⁷ О Новалисе см.: Freund W. Novalis. München, 2001; Hädecke W. Novalis. Biographie. München, 2011; Schulz G. Novalis. Reinbek bei Hamburg, 1969.

⁹⁸ Freund W. Op. cit. S. 153f.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.